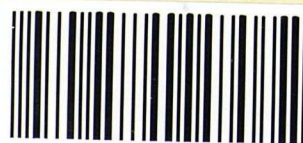

A $\frac{238}{636}$
1895
~ 1,3,5,6

ae

A

2007055015

A

Э К С П Е Д И Ц И Я

ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

(изъ писемъ П. К. Козлова).

(Изъ «Русскаго Инвалида» №№ 22, 26, 27, 32, 36 и 37).

I.

Въ послѣдней трети июля экспедиція благополучно достигла долины Большаго Юлдуса, а въ послѣднихъ его числахъ уже стояла бивакомъ у слиянія рѣкъ Большаго и Малаго Юлдусовъ.

Прекрасная долина, обставленная высокими горами, тянулась на западъ-юго-западъ. Прямо на югъ отъ нашей стоянки красовался своими блестящими на солнцѣ вершинами хребетъ Тсюдыръ-улу, означенный на картахъ подъ названіемъ Кокъ-теке. Направленіе его было западно-сѣверо-западное, и чѣмъ дальше онъ уходилъ, тѣмъ все выше и выше вздымалъ свои бѣлоснѣжныя вершины. Незнаніе этого хребта, незнакомство съ его сокровищами, сильно манило къ нему. Рѣшено было выдѣлить легкій развѣздъ, по примѣру минувшаго путешествія, чтобы сдѣлать одно или два пересѣченія горъ, спуститься къ сторонѣ сѣверной Камгарин и, затѣмъ, желательно было бы побывать въ г. Куча. Великое содѣйствіе, въ данномъ случаѣ, оказалъ Чейбсенскій Гыгентъ, нашъ старый знакомый по четвертому путешествію незабвеннаго Н. М. Пржевальскаго. Только чрезъ посредство Гыгента удалось пріобрѣсти торгоута, знакомаго съ намѣченнымъ хребтомъ.

«2-го августа, будучи прекрасно снаряженъ и напутствуемый экспедиціонной семьей, я отправился въ путь. Меня сопровождалъ вольнонаемный сартъ-калмакъ Ульзабадъ Катаевъ и проводникъ. Кромѣ трехъ верховыхъ лошадей, взята была четвертая подъ выюкъ. Первоначальное слѣдованіе было по богатой растительностью долинѣ на востокъ-юго-востокъ. На сѣверѣ, параллельно нашему пути, тянулся хребетъ, отдѣляющій Малый Юлдусъ отъ Большаго; своими предгорьями онъ добѣгалъ до насъ. По всей долинѣ Большаго Юлдуса виднѣлись юрты номадовъ и ихъ многочисленныя стада. Надъ рѣкой и ея болотистыми берегами сновали пернатые обитатели. Какъ первымъ, такъ и вторымъ—просторъ и приволье.

Пройдя тридцать верстъ, мы круто повернули на юго-востокъ и вконецъ достигли горной гряды, какъ бы преграждавшей теченіе рѣки. Гряда эта возвышается до 1,000 фут. относительной высоты и составляетъ часть каменныхъ преградъ, сдвигивающихъ р. Хайдыкъ-голъ. Когда мы поднялись на выс-

шую точку означенной гряды, нашимъ глазамъ представилась поэтическая картина. Я не могъ не удѣлить нѣсколькихъ минутъ для того, чтобы запечатлѣть ее побольше въ своей памяти. Дѣйствительно, панорама вверхъ по теченію рѣки была чудесна. Заходящее солнце затѣйливо играло своими лучами сквозь дымку облаковъ, изумрудами сияли вкрапленные въ яркую зелень луговъ площадки воды. Своеобразную картину рисовала сама рѣка у подножія отрога, гдѣ, извившись нѣсколько разъ, она точно опоясывала, или собирала разбросанныя излучины—это была р. Хайдыкъ-голъ!... Доселѣ неприступные ея берега сдавливались каменными грядами. Спокойно и плавно несутся ея свѣтлыя воды. Теченіе скорое. На водѣ, при безвѣтріи, словно лежитъ стеклянная поверхность, такъ она ровна. Каждый плескъ рыбы отпечатывается рельефно и безконечными кругами разносится по сторонамъ. Ширина рѣки отъ 30 до 40 сажень; глубина, по словамъ торгоутовъ, 4—5 аршинъ. Луговая прибрежная тераса возвышалась до сажени. Въ означенномъ мѣстѣ устроена переправа съ одного берега рѣки на другой. Перевозомъ завѣдуютъ ламы ближайшей кумирни. Перевозочныя средства—самыя примитивныя: деревянный ящикъ, позволяющій вмѣстить въ себя до 20 человѣкъ. Уложивъ свой багажъ, мы, при помощи двухъ лошадей, которыхъ ламы держали за хвосты и поводья, удачно перѣѣхали на правый берегъ. Пониже переправы залегаетъ островъ

Правымъ берегомъ рѣки мы должны были слѣдовать вверхъ по теченію Хайдыкъ-гола, держа путь на юго-западъ. Въ два дня мы достигли устья намѣченнаго ущелья, предварительно перейдя три незначительныя рѣчки, текуція отъ горъ. Здѣсь было сліяніе двухъ рѣкъ, Кююкюннукъ⁽¹⁾ и Цаганъ-сала. Первая изъ нихъ многоводнѣе и приходится западнѣе; вторая менѣе богата водою, но несетъ ее всегда прозрачною, за что и получила названіе Цаганъ-сала. Паденіе этой рѣки большое, дно усыпано гранитными валунами; ширина ея отъ 12 до 15 сажень, при глубинѣ 3 фута. Оставивъ за собою Цаганъ-сала, мы вступили въ Кююкюннукское ущелье, на-

(1) Дальнѣйшій нашъ путь.

правляющееся на юго-запад-запад. Ширина его отъ 300 сажень до версты. Растительность богатая. Красотою своихъ формъ ущелье это превосходить многія. При входѣ въ него, съ правой стороны, вертикально, стоятъ сланцевые утесы, образующіе два уступа. Нижний уступъ омывается водою и изъ него, мѣстами, красиво сочится чистая, какъ кристалъ, вода; иногда она бьетъ точно фонтаномъ. Ширина ложа рѣки, обставленнаго такими берегами, имѣетъ 15 — 20, даже 30 сажень; высота же береговъ колеблется отъ 70 до 100 футовъ. Рѣдкими мѣстами рѣка сдавливается въ узкую полосу воды и со страшнымъ шумомъ бьетъ въ скалы своимъ мощнымъ напоромъ. Особенно величественное зрѣлище она представляетъ въ большую воду, когда цвѣтъ послѣдней изъ прозрачнаго переходитъ сначала въ сѣроватый, а потомъ въ грязный, но не кофейный; причиною тому большее количество притоковъ, несущихъ прозрачную воду. Ледники, которые шлютъ муть, значительно удалены. Длина ущелья около 80 верстъ. Оно имѣетъ небольшое уклоненіе отъ оси главнаго хребта, поэтому принимаетъ массу горныхъ ручьевъ, бѣгущихъ съ каждой пади. Таковыхъ падей особенно много съ юга. Болѣе мягкій характеръ ущелья начинается, приблизительно, съ его половины. Тамъ, при прежней ширинѣ его, ложе рѣки значительно разширяется; рѣка дробится на множество рукавовъ. Видъ ея не такъ ужасенъ; снѣговья вершины и ледники приближаются съ юга.

«Мы продолжали слѣдовать все по одному и тому же ущелью до его вершины, гдѣ залегалъ могучій ледникъ. Направленіе ледника шло сначала на югъ, потомъ уклонилось къ юго-западу; длина его простиралась отъ 3 до 4 верстъ. Внизу онъ былъ покрытъ грязнымъ слоемъ гальки, по которой стремительно неслись ручьи. Ежеминутно падали большіе и малые валуны; шумъ отъ ихъ паденія стоялъ непрерывный. Тамъ и сямъ были разбросаны конусообразныя возвышенія. Порою былъ слышанъ шумъ потока, скрывавшагося подъ грязнымъ льдомъ. Голова ледника, которую я видѣлъ издали, была совершенно бѣлая. За нею высились острые пики хребта. Высшая точка моего поднятія была 12,300 фут. надъ уровнемъ моря.

Гребень горъ дикъ, скалистъ, труднодоступенъ; мѣстами невозможенъ даже для горныхъ козловъ. Съ грустью пришлось вернуться обратно съ верховья этого ущелья. Тѣмъ не менѣе, мы снова попытали удачу въ сосѣднемъ, лежащемъ восточнѣе.

7-го августа, чуть забрезжила заря, я съ проводникомъ уже направился вверхъ по новому пути. Проводника Ульзабада я оставилъ. Изъ ущелья дулъ вѣтерокъ, было довольно свѣжо: термометръ показывалъ +1,9 С. Въ 7^{1/2} ч. утра мы достигли подошвы двухъ лежащихъ по сосѣдству ледниковъ. Болѣе доступный изъ нихъ тянулся дугою, сначала къ югу, а потомъ къ юго-западу. Верхней границей ему, по-прежнему, служилъ острый гребень хребта, мѣстами сплошь засыпанный снѣгомъ. Придерживаясь западной стороны ледника, мы и направились къ его вершинѣ. Внизу, при лошадяхъ, оставили все, что могло тормозить нашъ путь. Бусоль и бинокль были взяты, но ружья оставлены. Вначалѣ пробирались частью по камнямъ, частью по самому леднику. Длина его была около 6 вер. Разность между подошвой и вершиной достигала свыше 1,000 фут. Ледникъ, какъ и прежній, внизу былъ покрытъ каменистой осыпью, повыше — слоемъ ярко-блестящаго снѣга. На днѣ, вблизи вершины, встрѣчались воронкообразные провалы; по сторонамъ и по срединѣ трещины, щели. Дна

я ихъ не видѣлъ, хотя и былъ у края пропасти. Съ юго-западной стороны крутаго гребня то и дѣло сыпались подтаивавшіе обломки камней; снѣжные обвалы случались также; слѣды недавнихъ разрушеній были всюду замѣтны. Внизу ледникъ, съ солнечной стороны, граничитъ съ валунами и насыпями, лежащими высокими грядами. Поверхность его также усыпана галькой. Вода сочится и вверху, и внизу. По бѣлоснѣжному полю, во многихъ мѣстахъ, шумно бѣгутъ ручьи. Камней у подножія ледника навалена масса.

Въ общемъ казалось, что ледникъ былъ доступенъ, и я, не теряя ранняго времени, послѣдовалъ вверхъ. Дважды слегка провалился, но, идя болѣе осмотнительно, къ 10 час. утра поднялся на вершину гребня. Моему взору предсталъ безконечный лабиринтъ горъ: на юго-западѣ снѣговыхъ, на югѣ — темныхъ, безжизненныхъ, за которыми вздымалась пыльная атмосфера, свойственная всей низовой Кашгаріи. Спускъ къ этой сторонѣ былъ страшно крутой, но, благодаря лежавшему снѣгу, спуститься было возможно, что я и не замедлилъ сдѣлать. Убѣдившись въ невозможности прохода съ лошадьми, я сѣлъ на камень отдохнуть. Тишина.... ни звука. Вотъ, дѣйствительно, гдѣ, въ этомъ заоблачномъ мірѣ, одиноко и сиро кругомъ. Но это только вначалѣ. Немного позднѣе прилетѣла горихвостка (*Ruticilla erythrogastra*), съ минуту посидѣла на камнѣ и, сдѣлавъ нѣсколько движеній хвостомъ, исчезла; давній слѣдъ уллара тонкой линіей обрисовался по снѣгу; издалека слабо доносился пискъ выюрка (*Montifringilla Brandti*); все это свидѣтельствовало обратное.... Внизу мелькнула тѣнь, которая обнаружила, что надо мной бородачъ-ягнятникъ (*Gypaetus barbatus*) затѣйливо описываетъ круги. Чуденъ онъ, когда видишь, какъ гордо и свободно несется, точно плыветъ въ эфирѣ небѣ.

Проводникъ шелъ со мною недолго; снялъ шапку, одышка взяла и онъ упалъ. Къ нему я возвратился въ 1 часъ дня, разставшись въ 9. Но что я пережилъ за эти четыре часа.... Возвращаться обратно по леднику было чрезвычайно тяжело; таявшій снѣгъ скользилъ подъ ногами. Несмотря на всю опытность въ горныхъ восхожденіяхъ, я трижды обрывался и разъ удержался на самомъ краю. Зіяющая пропасть ледника смотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Дна ея я не видѣлъ, такъ она была глубока. Проводникъ, оставшись внизу, отдыхалъ на камняхъ: его мучили тошнота и головокруженіе. На его глазахъ я отъ одного невѣрнаго шага скатился, съ ужасной быстротой, не одинъ десятокъ сажень. И только благодаря камню, плотно сидѣвшему во льдѣ, мнѣ удалось спастись! Тутъ только я перевелъ духъ, и свободнѣе оглянулся по сторонамъ. Долго я расхатывалъ камень и, наконецъ, осторожно доставъ его, сталъ вырубать ступеньки, по которымъ имѣлъ возможность добраться до обнаженныхъ утесовъ скаль. По нимъ я уже смѣлѣе цѣплялся и благополучно спустился къ проводнику. Добрый номадъ встрѣтилъ меня со слезами на глазахъ; затѣмъ упалъ на колѣни и сталъ возносить благодареніе Богу. Меня это обстоятельство растрогало, въ особенности, когда дикарь сталъ обмывать кровь, запекшуюся на моихъ рукахъ. Платье мое было все мокро; сапоги пришли въ полную негодность. Итакъ, мнѣ суждено было вернуться совсѣмъ изъ Кююкюннукскаго ущелья.

Въ два часа мы направились внизъ. По дорогѣ нашли на открытой лужайкѣ стадо горныхъ козловъ (*Capra sibirica*); осторожныя животныя не пустили насъ на разстояніе вѣрнаго выстрѣла; тѣмъ не менѣе, я пустилъ въ нихъ нѣсколько пуль,

и огласилъ горы раскатами звучнаго эхо; звѣри быстро умчались въ свои родныя скалы.... Вернувшись на свой бивакъ и наскоро написавшись чаю, мы послѣдовали внизъ по знакомому ущелью. На первыхъ порахъ слышались тяжелые раскаты грома: началась гроза. Черезъ часъ гроза миновала; ливень прошелъ; мельчайшій дождикъ еще моросилъ. Показавшееся солнце украсило ущелье рѣдко красивой лентой радуги, упиравшей свои концы въ бока ущелья. Это было дивно-художественное явленіе природы, тѣмъ болѣе, что такихъ цвѣтовъ мы еще никогда не приходилось наблюдать....

Въ два дня мы уже снова вернулись къ слиянію рѣкъ Цаганъ-сала и Кююкюннука; на этотъ разъ хотѣлось прослѣдить теченіе главной рѣки внизъ къ Юлдусу. Оглянувшись еще разъ на ущелье, нельзя было предположить, чтобы тамъ не существовалъ проходъ. Масса избытокныхъ тропинокъ, правда старыхъ, все время тянулась по ущелью. Тропинки добѣгали до подножія ледника. Жителей мы не встрѣчали, но, по словамъ проводника, раньше, въ пору благосостоянія торгоутовъ, ущелье ежегодно заполнялось народомъ. Теперь же имъ достаточно и долины привольныхъ Юлдусовъ. Дѣйствительно, куда ни помотришь, вездѣ мягкія лужайки, точно ковры, устилаютъ долину и скаты горъ; древесной растительности нѣтъ вовсе; кустарники же встрѣчаются; обильнѣе всего *Rotentilla*. Изъ звѣрей держатся маралы (*Cervus sp.*); аргали, или каменный баранъ (*Ovis Poli*); у дикихъ скалъ, какъ я уже упоминалъ выше, теке (*Capra sibirica*); тогда какъ косули (*Cervus pygargus*), у подножія горъ, или по мягкимъ горнымъ уваламъ. Сурокъ (*Arctomys sp.*) ютился только въ низовой долинѣ и при устьяхъ ущелій; старыя норы встрѣчались и въ глубинѣ ихъ, но обильная влага заставляла самихъ звѣрьковъ удалиться внизъ.

Пернатое царство гораздо многочисленнѣе. Уларовъ (*Megaloperdix himalayensis*) очень много: по утрамъ слышали ихъ оживляющій свистъ; перѣдко раздавалась пѣнь завирухи (*Accentor fulvescens*), бабочками перелетали у скалъ краснокрылые стѣнолазы (*Tichodroma miraria*), съ крикомъ проносились стайки каменныхъ воробьевъ (*Petronia petronia*), и оживленнѣе всѣхъ была клушица-грюнъ (*Pyrhocorax graculus*). Водяная щеврица (*Authus aquaticus*) и желтая плисица (*Budytes citriola*) встрѣчались также; рѣже другихъ соколъ-пустельга (*Timunculus alaudarius*) и сарычъ (*Buteo ferox*). Горныя ласточки (*Chelidon urbica*) вились у скалъ, щебеча свой однообразный мотивъ.

II.

Рѣка Кююкюннукъ послѣ слиянія съ Цаганъ-сала выглядеть внушительнѣе по размѣрамъ, но мягче по внѣшности; берега ея невысокіе, долина широкая; правда, по правому берегу еще тянулся обрывистый уваль, но и онъ ничто въ сравненіи съ прошлыми навѣсными скалами. Невдалекѣ, гдѣ рѣка дѣлилась на три широкихъ рукава, мы переправились на правый берегъ. Общее направленіе рѣки въ равнинѣ—сѣверо-восточное, и чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ склоненіе къ востоку все болѣе увеличивается. Этотъ притокъ Юлдуса несетъ массу воды и, вѣроятно, по многоводію, стоитъ въ числѣ первыхъ данниковъ.

Сдѣлавъ 52 версты, мы остановились почевать, на срединѣ пути миновавъ ключъ Аршанъ. Этотъ ключъ, благодаря свойствамъ своихъ водъ, приобрѣлъ большую извѣстность. Бьетъ онъ изъ земли нѣсколькими струями. Вода

совершенно чистая, прозрачная, температура ея въ 10 час. утра была $+20,5^{\circ}\text{C}$. Я опускалъ термометръ къ мѣсту выхода ключей изъ земли, на глубину около 2 фут.; тамъ, на ощупь, было значительно теплѣе, нежели на поверхности. Ключевое мѣсто, занимающее въ окрестности около 100 шаговъ, выдѣляетъ ручеекъ воды, который сочится на сѣверо-востокъ—къ болотистымъ берегамъ Юлдуса. Вокругъ бьющихся изъ земли ключей соеѣмъ мелко; дно илистое, тонкое, поросшее водорослью, между которой шныряютъ рыбки. Мы съ большимъ трудомъ удалось поймать два экземпляра въ коллекцію. На южной сторонѣ ключа стоитъ «обо». По словамъ нашего проводника, здѣсь стекается немало народа, въ особенности страдающіе сердцемъ, желудкомъ и другими внутренними болѣзнями. Пьющіе воду изъ богатнаго Аршана получаютъ великую помощь; многіе соеѣмъ избавляются отъ мучившихъ ихъ недуговъ. Даже самъ ханъ, съ своими приближенными, пріѣзжаетъ сюда и живетъ по нѣскольку дней кряду. Попили и мы изъ этого ключа; вода на вкусъ оказалась отличная. Проводникъ не приминулъ спросить меня о качествѣ ея, и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, видимо, успокоился.

Погода за время рекогносцировки въ Кююкюннукское ущелье стояла, въ общемъ, порядочная. Ночи были, по большей части, ясныя, свѣжія. Вѣтеръ дулъ по разбѣлинь сверху внизъ. По мѣрѣ поднятія кверху становилось все холоднѣе, вслѣдствіе близости снѣговъ и большой высоты. Дождей падало мало; облачность же преобладала. Термометръ вечерами показывалъ отъ $+5^{\circ}$ до $+10^{\circ}$; на восходѣ солнца спускался ниже 0° . Въ 1 часъ стоялъ около $+20^{\circ}\text{C}$. Лучшая погода была по вечерамъ—всегда ясно, тихо. Луна лила свой блѣдный свѣтъ и очень часто живописно озаряла вертикальныя скалы горъ. Шумъ рѣки то усиливался, то ослабѣвалъ; попутный вѣтерокъ или приносилъ звуки, или ихъ отклонялъ. Живыхъ же признаковъ не было замѣтно среди природы.

Въ долинѣ Большаго Юлдуса мы остановились вблизи кочевниковъ-торгоутовъ. Проводникъ нашъ уѣхалъ къ хану, вѣроятно, съ докладомъ. Ожидать новаго человѣка намъ долго не пришлось. Бѣдный торгоутъ-охотникъ, явившись потихонько отъ начальства, изъявилъ полное желаніе провести насъ за снѣговой хребетъ. Переваль лежалъ почти на меридіанѣ нашей стоянки, при слияніи Юлдусовъ.

11-го августа мы были снова въ пути, который направлялся на юго-юго-западъ. Оставивъ за собою долину, мы вступили въ предгорья, порванные рѣкою Коктекенный-голь. Рѣка беретъ начало отъ перевала Кокъ-теке, почему и носить такое названіе. Въ верховья она стремительно несетъ однимъ ручьемъ; передъ выходомъ же изъ горъ справа принимаетъ два притока, Дассалтынъ-голь и Арцытанъ-голь. На открытой долинѣ, рѣка скрывается подъ земную поверхность, и только у болотистыхъ береговъ Юлдуса (Хайдыкъ-гола) выходитъ снова на свѣтъ. Принявъ нѣсколько ключевыхъ источниковъ, Коктекенный-голь доноситъ свои воды до главной вѣтви Хайдыкъ-гола.

Сѣверный склонъ горъ носить особенно мягкій луговой характеръ. Зимой, по словамъ проводника, торгоуты живутъ здѣсь со своими стадами. Стоянки свои они избираютъ, главнымъ образомъ, при слияніи рѣчекъ. Здѣсь же намъ проводникъ указалъ на большую пещеру въ горахъ, тянущуюся на западъ. Точно тоннель, она простирается далеко въ нѣдра